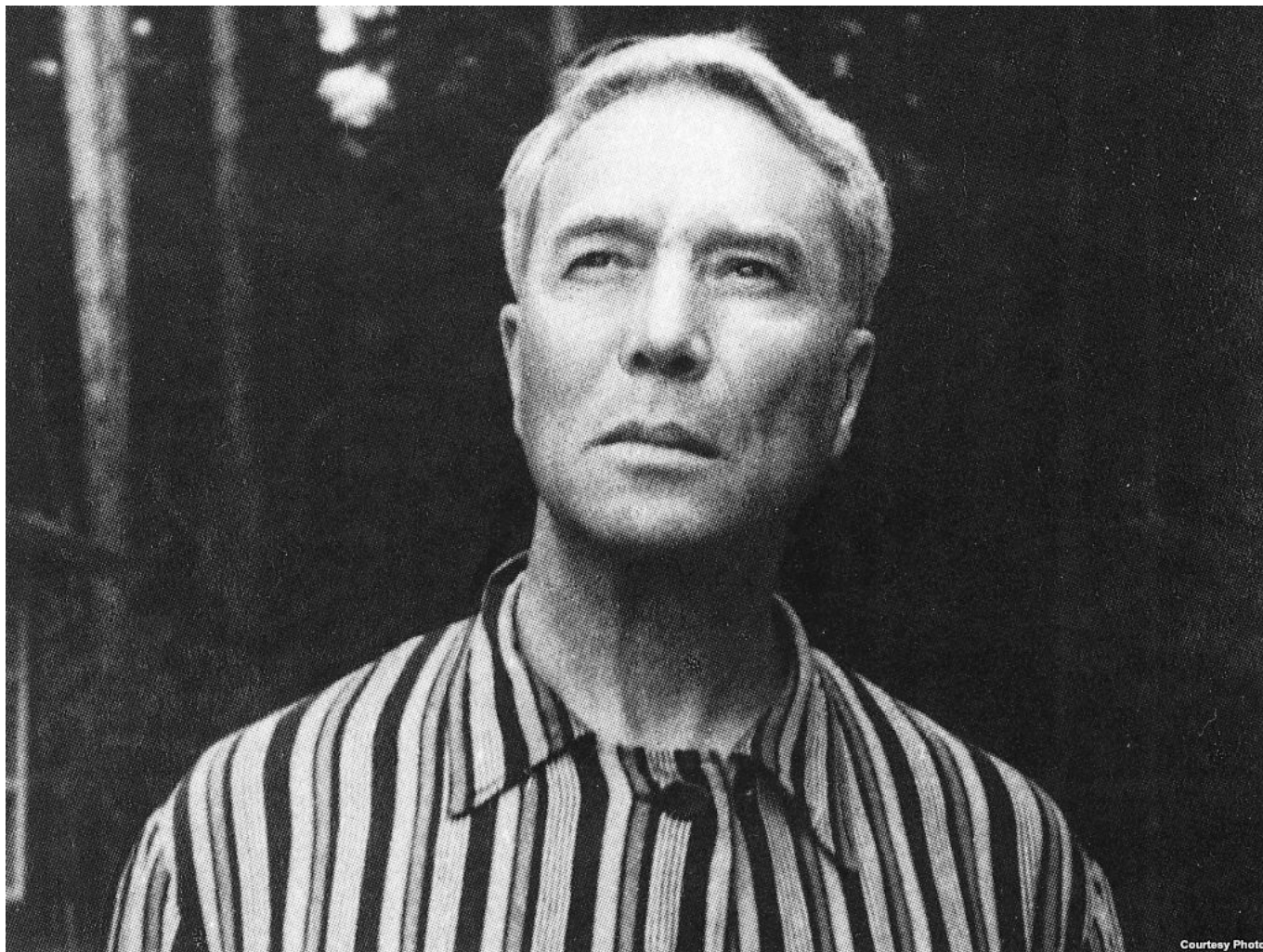

«Раскачать сердце» или как рассказать о величайшем поэте | « Sevrer son cœur » ou comment raconter un immense poète

Автор: Жорж Нива , [Женева](#) , 09.09.2015.

Борис Пастернак

Почетный профессор Женевского университета анализирует недавно вышедшую

книгу своего коллеги из Сорбонны, посвященную творчеству Бориса Пастернака.

|
« Sevrer son cœur » ou comment raconter un immense poète

«Утро знало меня в лицо», - утверждал в «Охранной грамоте» Борис Пастернак. Утро, это неизменное начало мира, это недолговечное великолепие: поэзия Пастернака - вызов для переводчика, «гроза моментальная навек», она ускользает, как отражение, она тверда, как горная порода. Прекрасное доказательство тому - стихотворение «Мельхиор», которое проанализировал [Мишель Окутюрье](#). Автор этой замечательной монографии лучше, чем кто бы то ни было, знает, что перевести того, кто написал «Сестра моя, жизнь», значит уловить неуловимое: именно Окутюрье подготовил роскошный том «Плеяды» 1990 года, посвященный Пастернаку. (Boris Pasternak. Œuvres / Edition établie, présentée et annotée par Michel Aucouturier. NRF Gallimard. Paris, 1990)

Его нынешняя книга, словно стихотворение Пастернака, - «попытка раскачать сердце». Он, студентом навещавший поэта на даче в Переделкино, адресат многих писем, которыми в 2012 году мы смогли полюбоваться на выставке «Интеллигенция между Францией и Россией» (Intelligentsia. Entre France et Russie, Archives inédites du XXe siècle / Ouvrage sous la direction de Véronique Jobert et Lorraine de Meaux. Paris, 2012. В прекрасный каталог этой выставки включено два рукописных письма Пастернака к Мишелю Окутюрье), один из анонимных переводчиков «Доктора Живаго» в 1958 году, мог бы раскрыть душу на страницах или на полях этой книги. Ничего подобного. Ни одного признания, зато, будучи тонким критиком, автор сумел по-новому прочитать все литературное наследие поэта, которое сегодня обогатилось многочисленными публикациями его корреспонденции (этим мы, в значительной степени, обязаны трудам сына поэта Евгения Борисовича, скончавшегося в 2012 году), и охватить не только жизнь, творчество, эпоху фантастического перелома, но и очень точно выразить, что есть судьба поэта. Лермонтов, узнав о роковой дуэли Пушкина, написал «На смерть поэта». Пастернак, узнав о самоубийстве Маяковского, написал другую «Смерть поэта». И сразу же литератора, преследуемого завистливыми «пролетарцами», он превратил, по словам Окутюрье, в «героическое воплощение романтической фигуры поэта, вечно бунтующего против бесплодного порядка повседневности». Через некоторое время, на Учредительном съезде Союза писателей в 1934 году, Пастернак был возведен в ранг ярчайшей звезды советской поэзии. Окутюрье предлагает нам прочитать изумительное письмо, которое поэт вскоре после этого направил Сталину («человека - деянья»), когда тот, отвечая Лиле Брик, одной фразой положил начало посмертному культу и увековечиванию Маяковского как первого поэта Революции. Пастернак написал деспоту невероятное послание, сохранившееся в архиве Сталина, в котором благодарил за то, что тем самым его, Пастернака, освободили от гнетущего положения быть прижизненно возведенным на пьедестал.

Michel Aucouturier

UN POÈTE DANS SON TEMPS:
BORIS PASTERNAK

ÉDITIONS
DES **S**YRTES

Окутюрье отмечает, какое огромное влияние оказывал на поэта его отец, художник Леонид Пастернак. Бориса зачаровывали даже не столько иллюстрации, выполненные им для «Воскресения» Л.Н. Толстого, сколько бесчисленные зарисовки карандашом, которые отец делал, наблюдая за людьми. Он даже стыдился быть более знаменитым, чем отец, а импровизация – поэтическая или музыкальная – осталась одним из главных приемов в его творчестве.

Отсюда и его поразительное устремление вперед в искусстве. Сначала он считал себя музыкантом – и безумно любил Скрябина, потом философом – и превозносил старого профессора Германа Когена в Марбурге. Дважды он обманывал ожидания родителей и близких, поверивших, что он нашел свое призвание. Он любил девиз немецкого поэта Клейста, «аскета культуры», для которого «уклонение было призванием», но странным образом Пастернак, поэт «повседневности», слышал этот призыв лишь в непрекращающейся смене чудес, предначертаний и отречений: из них, главным образом, будет соткано повествование о «Докторе Живаго». Отречение в этом произведении, являющемся вершиной его творчества, проступает между строк и напоминает «О подражании Христу» Фомы Кемпийского.

Эпоха во что бы то ни стало желала «перевоспитать» его. И он, видевший в 1905 году под своими окнами демонстрантов, которые на руках несли хоронить студента Баумана, убитого по приказу полиции, он, болезненно воспринимавший неравенство, оскорбления, ложь, скрывавшуюся под самыми разными масками, тщетно пытался приспособиться к эпохе. Ему это так и не удалось, но попытки его были искренними и сегодня, для нас, удивительными. Еще в 1923 году он жаловался марксистскому критику Полонскому, что «есть какой-то мне одному свойственный тон». Он был так же проницателен, как Мандельштам, но проявлялась эта проницательность по-разному. Как показывает Окутюрье, он желал, чтобы его «я» могло сделаться «все» для эпохи. Цветаева, из своего чешского, а затем парижского изгнания восхвалявшая его и писавшая: «Бог по ошибке создал Вас человеком», считала, что Пастернак – это «все во мне», а Маяковский – «я во всем». (Цветаева использовала строчку из стихотворения Ф.И. Тютчева «Тени сизые смешались...».) Их пылкая переписка, осененная общим преклонением перед Рильке, который умрет 31 декабря 1926 года, – это своего рода взаимное поэтическое излияние, внушающее ему мужество и желание «исправить судьбу», вынудившую Цветаеву уехать из России.

Между тем 1930-е годы доказали, что он был не способен лгать, как того требовала «материалистическая ночь», такая же, как и та, что поглотила Германию. С давних пор он не переносил жестокой омерты, молчания, воцарявшегося, как только исчезал человек, которого еще вчера все превозносили. Так случилось с молодым поэтом Силловым, об аресте которого он узнал на премьере пьесы Маяковского «Баня». Силлов, как следует из письма отцу, «был, пожалуй, единственным, при моих обширных знакомствах, кто воплощал для меня живой укор в том, что я не как он – не марксист». Очень скоро покончит с собой Маяковский.

Опираясь на исследования других специалистов и особенно на работы Лазаря Флейшмана, Мишель Окутюрье развивает и обогащает новыми деталями тему отношений со Сталиным, известную, прежде всего, благодаря звонку тирана поэту после первого ареста Мандельштама. Стихотворение «Столетье с лишним не вчера...» – это вариация «Стансов», в которых Пушкин сравнивает Николая I, чье царствование началось с кровопролития (казнь пятерых декабристов) с началом правления Петра Великого (когда молодой царь жестоко подавил стрелецкое

восстание). Пушкин оправдывал Николая во имя будущего. Пастернак воспользовался тем же сравнением «столетье спустя», и это было очень опасно. Однако Пастернак, почти наивно, только это и делал - играл с опасностью, словно ребенок, подходящий к краю пропасти...

Грузия, которую он посетил дважды, в 1931 году и в октябре 1945, была для поэта почти несбыточной мечтой, воплощением счастья на земле, чистосердечия и братства, хранимых и по ту сторону гробовой доски: два его друга-поэта, Тициан Табидзе и Паоло Яшвили, стали жертвами террора - один был расстрелян в тюрьме, другой покончил с собой. Переводить их было для него великим счастьем, позволявшим вновь пережить радостные дни, проведенные в стране Золотого руна. Таким же счастьем было переводить Шекспира, этого, как писал Пастернак в письме кузине Ольге Фрейденберг, «гениального свидетеля человека», описывающего человеческие трагедии и преступления и не лгущего. («Высшее, ни с чем не сравнимое наслаждение читать вслух без купюр хотя бы половину. Три часа чувствуешь себя в высшем смысле человеком, чем-то небессловесным, независимым, горячим...»). И эта мечта о счастье остается, в конечном счете, неуловимой и освещающей все его творчество: она неожиданно проступает то тут, то там, и каждым своим появлением она преобразует его поэтическое искусство: это «чистые просторы, пронзенные криками и свистками издалека», криками стрижей или визгом детворы во дворе, столько импровизаций, которые предлагает нам жизнь на каждом шагу. Лучше всего дает об этом представление проанализированное Окутюрье стихотворение «Лето» (или «Ирпень»): оно было опубликовано во «Втором рождении» и посвящено лету 1931 года, проведенному Пастернаком на Украине с женой пианиста Нейгауза, в которую он был влюблен и ради которой оставил свою первую супругу Женю. Стихотворение начинается с «буколического описания лесного пейзажа, друзей, собравшихся на лето», с того, как «смеркалось, и, ставя простор на колени, загон горизонта смыкал полукруг», а заканчивается на трагической ноте:

«...и поняли мы,
Что мы на пиру в вековом прототипе,
На пире Платона во время чумы».

Соединяя фигуры платоновской Диотимы, которая в «Пире» приобщает сотрапезников к Высшему благу, и поющей гимн смерти Мэри из маленькой трагедии Пушкина «Пир во время чумы», поэт сводит до головокружения близко счастье и апокалипсис, который в эти времена рождающегося террора стучится в форточку ко всем без исключения. Голоса премудрой Диотимы и Мэри, чью руку по струнам арфы ведет злой рок, сливаются в прославлении волнующей красоты мироздания и отвратительного дыхания чумы, объединенных «парадоксальным соседством». Вскоре апокалипсис коллективизации станет причиной Голодомора, массового голода-геноцида в украинских деревнях.

Какой случай, какая всемогущая рука охранили Пастернака? Он спасся. Как ни странно, некоторых сталинская «косилка» пощадила. В 1952 году на больничной койке он впервые почувствовал приближение смерти и благословил ее.

«О господи, как совершенны
Дела твои,— думал больной [...]
Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.

Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

Michel Aucouturier. Un poète dans son temps. Boris Pasternak. Editions des Syrtes. Genève 2015. С оригинальным текстом Жоржа Нива можно познакомиться в его блоге в Нашей Газете.ch.

[швейцарская культура](#)

Статьи по теме

[Мишель Окутюрье: «Мое мировоззрение складывалось под влиянием
свободомыслящей русской интеллигенции»](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/20242>